

М. Война, аспирантка
КНУ имени Тараса Шевченко, Киев

НАРРАТИВНИЙ ЛАБИРИНТ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЦАНЬ СЮЭ КАК ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛОВЫХ ПАРАДОКСОВ Х.Л. БОРХЕСА

Статья посвящена рассмотрению общей характеристики лабиринтной манеры письма как знакового литературного приёма постмодернизма, а также нарративного лабиринта современной китайской писательницы Цань Сюэ как симбиоза уникальности формы произведения и символического синкретизма.

Ключевые слова: лабиринт, символ, интроверсия, фантастичность, игра, время, пространство.

М. Voyna, post-graduate student
Taras Shevchenko national university of Kyiv, Kyiv

NARRATIVE LABYRINTH IN CAN XUE'S PROSE AS AN INTERPETATION OF THE J.L. BORGES'S SEMANTIC PARADOXES

The article deals with the general characteristics of the labyrinthine manner of writing as a sign of literary reception of postmodernism, as well as narrative labyrinth of the modern Chinese writer Can Xue being a symbiosis of the uniqueness of the form and the symbolic syncretism.

Key words: labyrinth, symbol, introversion, fantastic, game, time, space

УДК 821. 161.3-09+821.161.2 “19”

В. Боровко, проф., доктор филол. наук
Витебский гос. ун-т имени П.М. Машерова, Витебск, Беларусь

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО ЛЕСИ УКРАИНКИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА

Владимир Короткевич предложил свой вариант интерпретации личности и творчества Леси Украинки, направленный на декларирование актуальных для него как для белорусского писателя второй половины XX века этических и эстетических принципов.

Ключевые слова: интерпретация, очерк, повествовательная стратегия, украинская литература, белорусская литература.

Исследование интерпретации одним писателем личности и творчества другого писателя – традиционное и перспективное направление литературоведческих исследований, позволяющее углубить общепринятые представления о литературном процессе, о творческой индивидуальности.

© В. Боровко, 2013

Владимир Короткевич (1930–1984) – один из классиков белорусской литературы XX века, много сделавший для возрождения исторической памяти своих соотечественников, для обновления эстетической парадигмы белорусской литературы. В 1944 году судьба привела будущего писателя в Киев, с 1949 по 1954 год он учился на историко-филологическом факультете Киевского университета, некоторое время работал учителем в деревне Лесовичи под Киевом. В. Короткевич хорошо знал украинскую культуру и литературу, высоко отзывался о творчестве многих писателей. В 1971 году Владимир Короткевич написал очерк «Saxifraga», посвященный Лесе Украинке. Если исходить из даты написания, то возникает соблазн отнести произведение «Saxifraga» к юбилейному очерку, но этот очерк достаточно специфический в жанрово-стилевом отношении, так как в нем синтезированы элементы биографического и путевого очерков, литературного портрета, документальный и беллетристический планы. Начало произведения выдержано в иронической манере В. Короткевича-повествователя: «Несколько лет назад у нашей киногруппы, которая снимала в Крыму мой фильм, случился свободный день. Я попросил на тот день у нашего директора одного из четырехногих актеров – а именно осла – и направился на нем в горы, на Яйлу. Хотел бы я, безусловно, сказать, что выклячил не осла, а лошадь. Это было бы намного романтичнее: вылазка на лошади в горы. Но правда есть правда – другом моим был не скакун из симферопольской плеmbазы, а обыкновенный буровато-мышинный и длинноухий герой басен» [1 (8:153)]. Невольное созерцание пейзажей, где постепенно деревья и трава уступали место камням, навело писателя строки из произведения Леси Украинки и желание рассказать о ней.

Композиция очерка продумана до мелочей, в качестве узловых моментов интерпретации личности и творчества классика украинской литературы Короткевич взял основные моменты биографии Леси Украинки: детство, воспитание, любовь, социокультурные обстоятельства творчества, видение мира, жизненные и творческие интересы, смерть.

По мнению Владимира Короткевича, в становлении индивидуальности Леси Украинки значительную роль сыграли отец с матерью, уже с детства воспитавшие уважение к украинской истории и культуре (в родительском доме в деревне Колодежное ежегодно праздновались шевченковские годовщины, ставился кукольный спектакль о Кормелюке), украинский фольклор, природа: «Здесь большой свет полесской фантазии впервые породил те образы, которые позднее так ярко будут сверкать в знаменитой «Лесной песне». Здесь родилась душа детей, все то, что заставит их, в том числе и Лесю, считать, что «мы не черниговские и не полтавские, а мы полешуки». И чувство этого единства с Полесьем будет глубоким, как озеро Нечемное («нечем достать дна»), возле которого жил пасечник Лев. У него гостили дети, и он стал позднее прототипом «дядьки Льва» из «Песни» [1 (8-2:155)]. Особенность повествования у Владимира Короткевича – сопоставление прошлого и настоящего: он писал об озере Нечемном и отмечал, что сейчас оно безлюдное, что в Великую Отечественную войну немцы разобрали большой дом Косачей в семи верстах от Ковеля на блиндаж. В. Короткевич вспомнил и о трагическом случае, когда десятилетняя Лариса застудила ноги. Тот факт, что Лесья из-за болезни училась у частных преподавателей, Короткевич интерпретирует следующим образом: «...Здесь возможно и другое объяснение: мать, например, говорила, что все это было не столько из-за болезни, сколько оттого, что мать боялась, чтобы казенная школа не разрушила язык, характер,

взгляды ребенка. Как бы то ни было, но ребенок был обучен немецкому, французскому, греческому, латинскому языкам, а после сам выучил польский, итальянский, английский, болгарский и испанский. А что же?! Семья была культурная, талантливая, интересующаяся знаниями. Странно, что в таких условиях вырос все же человек, потребностью которого было не только витийствовать, но и действовать» [1 (8-2:155–156)]. Романтик по мироощущению, Владимир Короткевич высоко ценил умение личности противостоять обстоятельствам. Для белорусского писателя Леся Украинка – человек большого мужества, жизнь которого прошла в муках, «в липучих цепях из гипса»: «В этих цепях, в которые ее периодически заковывали, она неустанно работает и становится совершенной поэтессой, драматургом, прозаиком, интересным (и что намного труднее, мы постоянно убеждаемся в этом на каждом шагу) безупречно правдивым и справедливым критиком и публицистом, значительным историком, этнографом, искусствоведам, музыковедом» [1 (8-2:156)]. Жизнь была суровым испытанием и для разбитого параличом Ивана Франко, и для Генриха Гейне, но, как замечает В. Короткевич, они были мужчинами, а Леся – хрупкая женщина.

Владимир Короткевич специально подчеркивал многогранность таланта, деятельности, интересов Леси Украинки. Ее поэмы на «восточные» сюжеты – это далеко не случайность, а закономерное следствие серьезного увлечения познанием истории. Книги не заслонили реальность для этой талантливой женщины: «Она действовала. Заслужила добрую память колодежанских крестьян, которые вспоминали ее даже через шестьдесят лет, поверьте мне» [1 (8-2:156)]; «Она боролась с эпидемией тифа. Организаторской деятельностью и деньгами существенно помогла крестьянам в неурожайный, смертельно голодный 1891 год. Будучи после смерти отца (а источником доходов была его служба) человеком очень небогатым, если не сказать нищим, она, как будто от имени неизвестного благодетеля, все же на свои деньги организовала фольклорную экспедицию 1908 года на Полтавщину. С новыми фонографами. Руководителем экспедиции стал выдающийся музыковед, фольклорист и композитор Филарет Колеса. Перед ним была поставлена одна задача: только думы и исторические песни. И в этом была продуманная цель. Любая иная песня могла подождать – думы умирали уже тогда. А так еще жили знаменитые Михайло Кравченко и Гнат Гончаренко. Нельзя было отклоняться. Было мало времени и денег. Надо было хотя бы на гектографе издать собранное или в дешевой литографии, хотя бы репертуар одного Кравченко, хотя бы в самом ограниченном количестве экземпляров. Собрано было... два тома» [1 (8-2:157)]. Короткевич как бы между прочим вспомнил случай, что, когда бандурист Гончаренко приехал к Лесе в Ялту на запись, то полиция хотела его задержать: «Царские слуги уничтожали наиболее специфическое, поэтическое и наиболее историческое явление народной жизни» [1 (8-2:158)]. Писательница понимала важность сохранения памяти о прошлом и важность для человека и писателя быть честным перед собой и людьми: «Но подвиг был не только в творчестве и защите слова и песни. Не высший ли подвиг был в защите чести человека и страны. Когда осенью 1896 года царя и царицу приветствовали в Париже официальные круги, то некоторые музыканты, артисты, писатели слагали в их честь кантаты, здравицы и песни. Возмущалась вся левая российская интеллигенция, но никто не осмелился сказать слово, кроме этой слабой двадцатисемилетней женщины» [1 (8-2:159)]. В. Короткевич

поведал о том, как Л. Украинка прислала в редакцию парижской газеты «Le Reform» статью «Голос одной российской заключенной», в которой осудила восхвалявших царя французов: «Цари наши превзошли египетских в своем стремлении к массивному. Ваша Бастилия ничто в сравнении с ними. Приходите же, великие поэты, великие артисты, посмотрите на величие наших бастильских цитаделей, спуститесь с эстрад, снимите ваши котурны и посмотрите на нашу прекрасную тюрьму... великую Россию» [1 (8-2:160)]. В. Короткевич при этом вспомнил известные слова Ивана Франко, что после Шевченковского «Завещания» Украина не слышала более сильного голоса: «Мимо воли думаешь, что эта слабая девушка – едва ли не единственный мужчина на всю современную, соборную Украину» [1 (8-2:160)].

Леся Украинка – чрезвычайно талантливый автор, «уже в какие-то девятнадцать лет создаются гениальные стихотворения, которые входят в сокровищницу украинской и мировой поэзии. Я имею в виду «Contra spem spero». Это уже не только свой стиль и разрыв со стонами и жалобами во имя мужества, энергии, проклятия. Это большее» [1 (8-2:160–161)]. В. Короткевич позволил себе сравнить в эстетическом плане Лесю Украинку с классиком белорусской литературы Максимом Богдановичем: «В лице Леси Украинки в украинскую литературу пришло то, чего не хватало в то время украинцам и нам: соединенные с природной идеей интеллигентность, изящность и, при всей национальной стихии, Всемирность в самом высоком значении этого слова» [1 (8-2:161)].

В. Короткевич-романтик считал, что поэт высокого значения этого слова становится по-этом, только преодолевая испытания судьбы. Владимир Короткевич заметил: «Некоторые критики сетовали, что из-за болезни, из-за прикованности на долгие месяцы к кровати поэтесса часто вынуждена была оставлять своих соратников, жить в оранжевой атмосфере санаториев, на чужбине. Мы знаем, что и она болезненно переживала это. А я думаю – и пусть меня простит ее великая тень, и украинская поэзия, и сама великая Украина, – я думаю, что в этом несчастье было и рациональное зерно. Представим себе безоблачную жизнь любимой, жены, матери. Вся энергия, вся любовь, вся боль пошли бы туда. Мужчина все же меньше зависит от этого, а для женщин это многое, если не все. Сколько поэтесс затухало и исчезало вот так, в стихах о любви, согласии, розовощеких детишках» [1 (8-2:161)].

Белорусский писатель утверждает, что оценить гражданское мужество и вообще все сделанное Л. Украинкой можно только с учетом социокультурных обстоятельств, в которых она жила и работала. В. Короткевич привел курьезный исторический факт, когда после печально знаменитого валуевского циркуляра 1863 года, запретившего публичное употребление украинского языка и разрешавшего на сцене петь украинские песни только в переводе, на концерте Микола Лысенко в 1864 году исполнитель народных песен Микола Богданов запел под гром аплодисментов украинскую песню на французском языке: «И кто бы вступился за голодных и подневольных, за родину, если не тень Тараса, если не Иван Франко, если не эта слабая, хрупкая женщина» [1 (8-2:162)]; «Время унижения также рождает богатырей. И счастлив тот народ, который в такие эпохи имеет силу родить. Родить защиту» [1 (8-2:163)].

Леся Украинка для Короткевича – воплощение настоящей любви к Родине и уважения к другим народам: «Она никогда не была ограниченной. Она воевала не только против угнетателей, но и против хуторского беспардонного «патриотизма», который лакействует

перед сильными, лижет им руки, мечется между громкими лозунгами и холуйством и надеется на темноту народную, что народ ею будет жить. Против патриотизма галушек и свиток за патриотизм образованного общества, которое, конечно, и галушек не забыло, но дошло до высот духа человеческого, культуры человеческой» [1 (8-2:163)]. Несомненное мужество Леси проявлялось не только в том, что она заступалась за народ, но и в обличении рабской природы народа. Мужество проявлялось и в преодолении боли после утраты любимого человека Сергея Мержинского.

В понимании белорусского писателя Леся Украинка была из породы писателей-пророков, писателей-провидцев: «Она знала цель лучше многих, знала путь к ней и средства достижения как никто более. И, может, даже лучше, что она была избавлена повседневных ссор и споров, грызни группировок, перебранок народников с Грушевским и Ефремовым, а тех с кем-то еще. Знала путь и цели. Спокойно и мужественно делала свое дело. И благословением было то «вынужденное бездействие», о котором она так горько сетовала. Не ее дело было сражаться. Ее дело было ковать и закалять оружие, которым, в конце концов, победят воины ее народа, воины всех угнетенных земли, воины, рожденные специально для того, чтобы побеждать. Слово ее впечатляло, уничтожало, било – значит, побеждала и она» [1 (8-2:163)].

Величие Леси Украинки в том, что она одновременно борец и женщина. По мнению В. Короткевича, творчество писательницы – свидетельство неординарности ее взгляда на мир и человека: «А между тем это женщина со всеми характерными чертами женской психологии, со специфической, оригинально повернутой мыслью и самой логичностью. Достаточно вспомнить стихотворение «Забывтая тень...». Во всех песнях Данте царит тень Беатриче, которую он видел три раза (и в третий – в гробу), ей он собирал в мистическом лесу цветы, мыл их в водах адского Стикса, чтобы после возложить на могилу той, о которой не забыл до смерти. И кто помнит жену Данте, от которой не осталось даже имени, но она верной тенью шла за вождем «Италии несчастной», разделила с ним горький, нищенский и твердый хлеб изгнания и закрыла ему глаза» [1 (8-2:164)]. Настоящий писатель предлагает новый взгляд на мир и на привычные вещи и явления. В маленьком шедевре «Забывтая тень...» перед нами «не только женский способ мышления и женская душевность, здесь еще и сочувствие одной женщины другой» [1 (8-2:164)]. Короткевич напомнил и предысторию этого стихотворения, посвященного Ольге Липской, которая стала спутницей жизни композитора Лысенко.

Стихотворную драму «Лесная песня» Владимир Короткевич считал лучшим произведением Леси Украинки: «Мир «Лесной песни» весь воссоздан необычным полесским человеком. Мир утопленных несчастной матерью Патерчат, мир Прелесников, летающих с пожаром осенней листвы, зажигая деревья, неугомный мир Тех, кто рвет гати, мир страстной весенней воды и застывшего снега. Мир любви и вечного пробуждения леса и кукушки, что отвечает жалейке. И Мавка – природа, Мавка – земля, Мавка – песня, за измену которой надо платить. Я не знаю лучшего в этом жанре. Потому что это не пьеса, не драма, не феерия даже, а великая поэма жизни этой лесной и водной земли» [1 (8-2:167)].

Леся Украинка прожила жизнь великого художника: «Я думаю сейчас, что это не болезнь рвала и мучила ее бедное тело, а тот дракон, та примара, тот змей-полоз, «извечно побежденный, но не похороненный», который вился вокруг земли и всех земель и сжимал их, «желая задушить». Вся ее жизнь была борьбой против «Того, который в скале

сидит», против тех мертвых и мертвящих, кто хотел бы пустыней видеть мир, против тех, кто не уважает чужое, а потому отца родного и мать способен выгнать с сумою в белый свет, против тех, кто всю жизнь хотел, как у Мавки из «Песни» сорвать с груди и сожрать веточку красной калины, родную землю» [1 (8-2:169)].

Белорусский писатель сравнивал Лесю Украинку с саксифрагой-камнеломкой, растущей на бесплодной земле, пробивающейся сквозь камни: «Она сломала этот камень. Ценой своей короткой, несчастной и счастливой жизни. Ценой смерти и ценой существования вечного в памяти народной. Страшная и завидная судьба.

Молодая женщина против всей чугунной силы со всем ее аппаратом дикого самоуправства, тупости и жандармского свинства. Вышла и победила. Не могла не победить. Ибо что такое свинская сила против великого духа?!» [1 (8-2:170)].

Очерк «Saxifraga», обращение к личности и творчеству Леси Украинки – не случайные явления в творчестве Владимира Короткевича. Этих авторов сближали нетерпимость ко лжи, любовь к родной земле, желание разбудить и развивать у соотечественников интерес к своей истории и культуре, стремление постоянно творчески совершенствоваться, реализовать свои замыслы в различных жанрах (Владимир Короткевич подобно Лесе Украинке известен как поэт, драматург, прозаик). Леся Украинка, в трактовке белорусского писателя, – фигура знаковая, символическая, «гордость Украины», воплощение большого гражданского и человеческого мужества, пример истинного служения Родине и соотечественникам, неразрывности слова и дела, действительной силы высокохудожественной литературы. Интерпретация личности и творчества Леси Украинки Владимиром Короткевичем свидетельствует о том, что познание одной творческой личностью другой главным образом направлено на декларирование интерпретатором своих эстетических и этических принципов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. *Караткевіч, У.С.* Збор твораў : [у 8 т.] / Уладзімір Сямёнавіч Караткевіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1987–1991. – Т. 8. Кніга 2. – 1991. – 495 с., [4] л. іл. – ISBN 5 – 340-00860-6.

Стаття надійшла до редакції 19.06.13

В. Боровко, проф., д. філол. наук

Вітебський держ. ун-т імені П.М. Машерова, Вітебськ, Білорусь

ОСОБИСТІСТЬ ТА ТВОРЧИСТЬ ЛЕСІ УКРАЇНКИ В ТРАКТУВАННІ ВОЛОДИМИРА КОРОТКЕВИЧА

У статті аналізуються особливості трактування Володимиром Короткевичем особистості та творчості Лесі Українки. Автор статті робить висновок, що інтерпретація білоруським письменником українського була спрямована на декларування актуальних для нього етичних і естетичних принципів.

Ключові слова: інтерпретація, нарис, оповідна стратегія, українська література, білоруська література.

V. Borovko, prof., doctor

Vitebsk state university named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

PERSONALITY AND CREATIVITY OF LESYA UKRAINKA IN THE INTERPRETATION OF VLADIMIR KARATKEVICH

In the article peculiarities of Lesya Ukrainka personality and oeuvre perception by Vladimir Korotkevich are under consideration. The author of the article comes to the conclusion, that the interpretation of the Belarusian Ukrainian author was directed to declaration relevant to his ethical and aesthetical principles.

Key words: *interpretation, essay, narrative strategy, Ukrainian literature, Belarusian literature.*

УДК – 821.162.3:81'373.234(477)

О. Погребняк, здобувач

КНУ імені Тараса Шевченка, Київ

ХУДОЖНЄ ОСМИСЛЕННЯ ГЕОГРАФІЧНОГО ОБРАЗУ УКРАЇНИ У ТВОРАХ МАРІЇ СТРИЙОВОЇ

Пропонована стаття розглядає принципи побудови та структуру образу України у творчості маловідомої українському загалу чеської письменниці Марії Стрийової в контексті дослідження тематики “волинських чехів” у чеській літературі II-ї половини XX ст. Робиться спроба проаналізувати художній простір твору як відображення простору географічного в рамках теорії простору поетичного тексту.

Ключові слова: *Україна, Чехія, художній простір, географічний простір, географічний образ.*

Українська парадигма, зокрема тематика «волинських чехів», яка складалася у чеській літературі II половини XX століття переважно з мемуаристики, есеїстики, подорожніх нарисів, оповідань та кількох романів, формувалася зі своєрідної взаємодії історичних, географічних, соціальних, ідеологічних та інших чинників, зазвичай набувала художнього втілення у оповідних жанрах літератури, де центром уваги є життя та особистий досвід індивіда-автора. Це проза, що реконструювала цілісність перехідної культурної епохи у історичному досвіді переселенців, тим самим торуючи шлях для пошуків, вибудови та гуманістичного наповнення ідентичності у творах здебільшого автобіографічного характеру, з посиленою увагою до унікальності людської особистості, її повсякденного життя, мотивів і форм поведінки у межах певного визначеного світопростору.

Образ України – країни дитинства є центральним для більшості творів чеської письменниці Марії Стрийової (1931-1977), яка провела у чеському поселенні на Волині дитячі та юнацькі роки. Йдеться про цикл автобіографічних оповідань «Над рівниною»,